

SERBIAN LANGUAGE INSTITUTE OF SASA

LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY
IN THE LIGHT OF CONTEMPORARY
APPROACHES

A collection of papers

Edited by:

Stana Ristić, PhD, scientific advisor

Ivana Lazić Konjik, PhD, research associate

Nenad Ivanović, PhD, research associate

Belgrade, 2016

ISBN 978-86-82873-??-?

ИНСТИТУТ ЗА СРПСКИ ЈЕЗИК САНУ

ЛЕКСИКОЛОГИЈА И ЛЕКСИКОГРАФИЈА У СВЕТЛУ САВРЕМЕНИХ ПРИСТУПА

Зборник научних радова

Уредништво:

др Стана Ристић, научни саветник
др Ивана Лазић Коњик, научни сарадник
др Ненад Ивановић, научни сарадник

Београд, 2016

Марина В. ПИМЕНОВА

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

УСТОЙЧИВЫЕ ЕДИНИЦЫ В ДИАХРОНИИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ МЕНТАЛЬНОСТИ*

В связи со сменой концептуальных форм ментальности представлена история развития устойчивых сочетаний слов, которые автор предлагает называть термином *синкретемы*. Рассмотрены основные типы и виды данных единиц (*парные именованья, этимологические фигуры, устойчивые сравнения, сочетания с постоянными эпитетами, описательные глагольно-именные обороты* и др.), их отличия от современных фразеологизмов, а также перспективы их лексикографического описания.

Ключевые слова: диахрония, аксиология, устойчивые сочетания слов, концептуальные формы ментальности.

Следует отметить, что ученые, исследующие начальные стадии человеческой культуры (филологи, этнографы, психологи, историки, философы, культурологи), отмечают особенности архаичного мировосприятия, используя различную терминологию. Например: *мифическое мышление* (А. А. Потебня), *первобытное анимистическое мирозерцание*, (А. Н. Веселовский), синтетическое по своей сущности «*дологическое мышление*» (Л. Леви-Брюль), *дофилософские формы сознания*, отличающиеся «слиянием» философии, мифа, религии и художественного творчества (Ф. Х. Кессиди), *синкретизм* психологического параллелизма в славянском фольклоре (М. М. Плисецкий), *этикетность* (Д. С. Лихачев), *синкретизм мироощущения* (В. В. Колесов),

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Оценка и концептуальные формы русской ментальности в диахронии» № 16-34-00020 а1.

миф (А. Я. Гуревич), *нерасчлененность мышления* (М. М. Маковский), *коллективные представления* (Е. М. Мелетинский) и др.

Несмотря на разнообразие материала и формулировок, по сути дела все исследователи имеют в виду нерасчлененность (*синкретизм*) чувственного созерцания и логической деятельности мышления человека, что на языковом уровне проявляется в наличии *семантического синкретизма*.

Семантический синкретизм представляет собой лингвистическое явление формально-содержательной языковой асимметрии (впервые отмеченное в 1929 г. С. О. Карцевским (Карцевский 1965: 85), при котором один знак одновременно выражает два (и более) значений (семасиологический тип семантического синкретизма) и, соответственно, одно значение выражается двумя (и более) нерасчлененными знаками (ономасиологический тип семантического синкретизма) (подробнее см. (Пименова 2011)).

Наиболее ранними являются проявления семантического синкретизма в двоичных противопоставлениях, которые выделены Вяч. В. Ивановым и В. Н. Топоровым как славянские языковые моделирующие системы (Иванов – Топоров 1965). Эти синкретичные оппозиции включают в себя абстрактный образ-символ, оценочный компонент, а также конкретное значение качества и/или количества, градуальности, посессивности (Там же: 63-64). Например, бинарная пара *правый – левый* связана с представлениями об ориентации в пространстве, о противопоставлении мужского и женского начала, правильного и неправильного, положительного и отрицательного. Оппозиция *чет – нечет* указывает на количество, на противоположность жизни и смерти, мужского и женского, хорошего и плохого. Двоичное противопоставление *свет – тьма* или *белый черный / красный – черный* отражает нерасчлененные представления о наличии-отсутствии световых колебаний, о вертикальном размещении в связи с символами сакрального плана, о красивом и безобразном, веселом и грустном, хорошем и плохом. Особая семиотическая роль отводится оппозиции *мужской – женский*, которую исследователи рассматривают как «свернутую серию» почти всех противопоставлений (Там же: 85–98, 138–140, 175–178).

На лексическом уровне синкретизм проявляется в семантической диффузности, о чем свидетельствуют, например, «первозданное слово», представляющее собой «зерно, из которого вырастает мифическое сказание» (Афанасьев 1994: 15), первобытное имя, заключающее в себе «двойственность субстанций», то есть слитность предметного и качественного значений (Потебня 1968: 65–66); «синкретическое слово»,

обладающее единством «полярных значений» (Ларин 1977: 20); «нерасчлененность древнего значения» (Ковтун 1971: 85); синкретическое сосуществование двух значений в корне (Трубачев 1976: 167); «нерасчлененность и неопределенность значений древних корней» (Смирнова 1976: 8); единое недифференцированное образное имя (Кацнельсон 1986: 89-94); «...исконный семантический синкретизм славянского слова»; слово-синкрета, «представленное как образ и воплощенное в символе (языковом знаке)» (Колесов 1991: 43); лексическая единица с синкретичным (пространственно-временным) значением (Радутная 1988); четко не дифференцированный «смысловой сгусток», представляющий собой «...содержание ключевого слова в период господства формульной культуры...» (Лопутько 2001: 173) и др.

Обобщая наблюдения лингвистов, можно предположить, что многие первоначальные значения и формы слов (*этимоны*) отличает начальная семантическая нерасчлененность, косвенно подтверждаемая существованием теории и практики так называемой «множественной этимологии», допускающей «одновременное существование нескольких (иногда – многих) семасиологических связей в истории того или иного значения» (Маковский 1996: 6).

В процессе предопределяющей эволюцию языка смены отдельных форм мышления происходит постепенная трансформация семантического синкретизма, проявляющаяся, в том числе, в экспликации ценностных различий на уровне образно-чувственных представлений и абстрактно-логических понятий.

Демонстрирует расщепление аксиологического представления, например, дифференциация внешнего облика и внутренней сущности героя русской сказки, русского эпоса. Так, имеющие невзрачную / отталкивающую внешность Иван-дурак, Иван Запечник, «малый, косматый бурушко» Ильи Муромца, «чудище морское, зверь лесной» – обладают «невидимыми для глаза высокими качествами» (Пропп 1954: 387–388).

Свидетельствует о трансформации аксиологического синкретизма рассказ об «испытании вер» послами киевского князя Владимира из «Повести временных лет», поскольку определение ценности различных ветвей религии осуществляется только с «внешней» точки зрения, с точки зрения только одного вида сублимированной оценки – оценки эстетической («нелепой»), как отмечают историки, для определения истинной сущности религии (Приселков 1940: 22).

С переходом от язычества к христианству дискретизация семантического синкретизма детерминируется мировоззрением, поскольку новая религия резко разграничивала мир материальный и мир духовный, душу и тело, «внешнего человека» и «внутреннего человека», «очи те-

лесные» и «очи сердечные / умные». Раннехристианские мыслители в соответствии с отражающей расчленение языческого аксиологического синкретизма ориентацией «...исключительно на духовные феномены ... активно выступали против эстетических норм римского общества, в частности против культа внешней красоты» (Бычков 1981: 226).

Трансформация семантического синкретизма отражает историческую последовательность смены концептуальных форм русской ментальности, древнейшую из которых В.В. Колесов определяет как **ментализацию** (XI–XIV/XV вв.) – «...наполнение словесного знака образным смыслом» (Колесов 2002: 405). На лингвистическом уровне ментализация проявляется в преимущественной разработке объема понятия вследствие развития *метонимических переносов* (ассоциаций по смежности), что «...определяется важностью не сходства, а общности функции или чисто внешне – смежности (часть как целое, род как совокупность видов и т.п.)» (Колесов 2002: 405–406). Кроме того, данный период отличается связанным с конкретным ритуальным действием психофизиологическим «сенсорным», или «сенсорно-моторным», способом абстрагирования (Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, И.П. Павлов, И.М. Сеченов и др.), который «... основан на оперировании целостными чувственными образами предметов внешнего мира» (Лопутько 2001: 30, 104–112). Ментализация, по мнению В.В. Колесова, сменяется *идеацией* (XIV/XV–XVII вв.), предполагающей на лексико-семантическом уровне разработку *содержания понятия* вследствие *метафорических переносов* (ассоциаций по сходству, отношений аналогии), а затем – *идентификацией* (XVII/XVIII–XXI вв.), связанной с «сопряжением результатов ментализации и идеации», с согласованием *объема и содержания* понятия в словесном знаке, что «...привело к воссозданию в нем «идентифицирующего» действительность (понятийного) значения и тем самым закончило формирование лексического состава общерусского языка» (Колесов 2005: 15).

Исходный (древнейший) семантический синкретизм сохраняется в *этимоне*, который, как мы полагаем, можно образно представить в виде спирали-пружины, сжатой до плоского состояния в *слове-синкрете*.

Слово-синкрета, «представленное как образ и воплощенное в символе (языковом знаке)» (Колесов 1991: 43), – отдельная (предельная) лексическая единица, выражающая *синкретичное значение*.

Лексико-семантическую категорию, которую образуют синкретичные лексические единицы, мы в своих работах предлагаем называть термином **синкретсемия** (‘нерасчлененность значений’, от греч. συν-κρητισμός – соединение, нерасчлененность, σημα – знак), соотносимом

с терминами, указывающими на другие семасиологические категории (как общеизвестные, так и малоизученные). Ср.: *полисемия, моносемия, дисемия, эврисемия* (Пименова 2011).

Мы полагаем, что синкретсемия представлена двумя основными типами, которые условно нами обозначены следующим образом: 1) *сигнификативная* (выраженная *словами-синкретами*; один знак – два и более нерасчлененных значений), 2) *структурно-синтагматическая синкретсемия* (выраженная семантически несвободными словосочетаниями и сочетаниями слов – *синкретемами*; одно синкретичное значение – два и более знаков).

Следует отметить, что исследователи древнейшего периода развития русского языка (лингвисты, историки, литературоведы) уже с середины XIX в. обращают внимание на относительно устойчивые лексические единицы древнего текста, использующиеся при описании сходных ситуаций-ритуалов. Б.А. Ларин в работе 1956 г. «Очерки по фразеологии», намечающей системный диахронический подход к изучению устойчивых сочетаний, указывает, что «...в практике словарного дела уже давно (в России более трех столетий тому назад) приводятся и поясняются словосочетания с особым значением, не сводящимся к обычному значению его компонентов» (Ларин 1977: 129).

Однако если на синхронном уровне устойчивые сочетания (фразеологические единицы) изучены последовательно и основательно, имеются фундаментальные синхронные и ретроспективные историко-этимологические словари (А. И. Молотков, В. П. Жуков, В. М. Мокиенко и др.), то перспективная линия изучения (от древнейшего состояния к современному) фактически не представлена, историки языка прослеживают развитие лишь отдельных устойчивых сочетаний древнего текста (и в лучшем случае до XVII в.), в современных продолжающихся толково-переводных исторических словарях одобные сочетания приводятся спорадически, не системно. Недостаточная разработанность перспективной линии изучения устойчивых сочетаний объясняется прежде всего тем, что, как отмечает В.М. Мокиенко, «ни в одном разделе языкознания, вероятно, синхрония не ограничивается от диахронии столь последовательно и непримиримо, как во фразеологии» (Мокиенко 1973: 21).

При изучении устойчивых сочетаний слов в древнерусских текстах многие исследователи проводят параллели с современным фразеологическим составом языка, используя для их наименования термины *фразеологизм, фразеологическая единица, фразеологический оборот, фразама* и предлагая классификации, в основу которых чаще всего положен современный критерий степени семантической спаянности, или

аналитичности, компонентов, предложенный еще в 1946 г. В. В. Виноградовым (Н. Л. Антадзе, Е. И. Зиновьева, М. М. Копыленко, Б. А. Ларин, Н. И. Толстой, В. М. Мокиенко, Г. А. Селиванов, Н. А. Суворова, С. Г. Шулежкова и др.).

С другой стороны, ряд ученых употребляет самые различные терминологические определения для данных единиц, чем имплицитно указывает на их отличие от современных фразеологизмов, хотя среди критериев выделения указываются в большинстве случаев традиционные «фразеологические» дифференциальные признаки, отличающие фразеологизм, с одной стороны, от слова (раздельнооформленность), с другой стороны, – от свободного словосочетания и сочетания слов (нерасчлененность значения или идиоматичность, то есть невыводимость цельного значений из значений составляющих данную единицу компонентов; устойчивость, воспроизводимость, постоянство лексико-грамматического состава, единство синтаксических функций и др.) (Архангельский 1964: 88–92). Приведем примеры терминологических определений для устойчивых сочетаний слов в древних текстах: неизменные выражения (В. О. Ключевский), характерные выражения (С. Ф. Платонов), формулы (А. С. Орлов), шаблонные сочетания (А. М. Пешковский), словесные/готовые/стойкие литературные формулы (В. П. Адрианова-Перетц), традиционные устойчивые сочетания (О. В. Творогов), трафаретные выражения (Л. Я. Костючук), выражения/словесные формулы (Д. С. Лихачев), устойчивые словесные комплексы (А. Г. Ломов), формулы-синтагмы (В. В. Колесов), коллокации (Е. М. Верещагин), устойчивые формулы (О. П. Лопутько), «синсемические» комбинации слов, фигуры – *figurae* (Р. Пиккио) и др. Следует отметить, что каждый из вышеприведенных терминов по-своему справедлив и, безусловно, имеет право на существование, однако все они в большинстве случаев используются изолированно, вне какой-либо терминологической системы.

Мы в своих работах предлагаем обозначать минимальные лексические единицы древнерусского текста термином **синкретемы** (корень *синкрет-* + суффикс *-ем-*), который находится в одном ряду, во-первых, с указывающими на особенности древнерусской ментальности терминами (*синкретизм, синкрета*), во-вторых, с терминами, указывающими на минимальные единицы различных языковых уровней (*синтаксема, фразема, лексема, семема, морфема, фонема* и под.).

От современных фразеологизмов синкретемы отличаются прежде всего с семантической точки зрения, поскольку реализуют отражающее древнюю концептуальную форму ментальности (*ментализацию*) **синкретичное значение**, выражающееся узуально закрепленными в

языке формами двух и более лексико-грамматически связанных слов (несколькими лексемами), представляющими собой минимальные лексические единицы древнерусского текста. Древнее синкретичное значение основано на метонимии (а не на метафоре, как большинство современных фразеологических единиц), причем особенности метонимии как переноса по смежности (Жолесов 2005: 13–14) предопределяют следующие частные дифференциальные признаки синкретем: а) регулярность метонимии – относительную лексико-семантическую **системность** данных единиц (в отличие от метафорической нерегулярности, индивидуальности и вторичности фразеологизмов); б) построение метонимией **синтагмы** (а не парадигмы) – **синтагматический (линейный) характер** проявления всех типов отношений между знаками в древнем тексте, предопределяющий особенности структурно-семантических типов синкретем; в) разработка объема (а не содержания) понятия – особую / преимущественную связь значения с **денотатом / денотатами**, предопределяющую особенности семантики отдельных видов синкретем (Пименова 2007: 53–66).

Приведем примеры основных видов синкретем: **парные именованья**, указывающие на наличие двух денотатов, один из которых предполагает другой и на основе парности которых возникает новый денотат: нар.-литер. *хлеб да соль, клен-дерево, гуси-лебеди, путь-дорога, тоска-кручина*; делов. *суд да дело, животы и статки, воры и плуты, старина-пошлина*; книжн.-слав. *лѣпота и красота, агньци и уньци, ночь и день, радость и веселье, въплъ и слезы, стыд и срам, честь и слава, сѣмо и овамо*; словосочетания с **постоянными эпитетами**, или **устойчивыми книжными атрибутами**, обозначающие денотат, являющийся «идеальным», или таким, каким он должен быть: нар.-литер. *красна девица, добрый молодец, красно солнышко, серый волк, синее море, черный ворон, чисто поле, зелено вино*; делов. *воровские люди, воровское время, грамота вечная, грамота dokonчательная*; книжн.-слав. *слово божьствъное, благовѣрныи князь, крестъ честныи, бесовьская плъкы, поганья половцы*; **этимологические фигуры**, называющие количественно и качественно «удвоенный» денотат: нар.-литер. *темень темнеется, трубы трубят, стрелой застрелить*; делов. *повозы возити, дело делать, сослужить службу, воровством воровать*; книжн.-слав. *просвети просветивый свет, светлый свет, красотою украсити, возрадоватися / радоватися радостию, жить жизнию*; **описательные глагольно-именные обороты (ОГИО)**, связанные с одним «раздваивающимся» денотатом: нар.-литер. *одержжати победу, взяти рать, въсѣсти на конь, отворити ворота*; делов. *челом бити, труды творити, суд дати, выдавати без суда*; книжн.-слав. *имѣти лю-*

бовь, веру яти, говорити в срдьце (своем), молитву сотворити; устойчивые сравнения, имеющие в виду один денотат, уподобляемый другому: нар.-литер. *яко сокол млада, яко лебедь белая, яко вълци стояще*; делов. *яко тать в ноци*; книжн.-слав. *аки агньць, аки звѣзда, аки звѣри дивии, аки нѣкаа ехидна* и т.д.; **сочетания с творительным ограничением**, являющиеся одним из основных средств выражения оценки в древнерусском книжном тексте: *красен лицем, крѣпокъ тѣлѣмъ, простъ умѣмъ, великъ славою, одрѣжим невѣриемъ, языкомъ сладокъ, твердый вѣроу* и др.

Приведем примеры возможного лексикографического описания древних устойчивых единиц (см.: (Артамонова 2005: 158–164; Богрова 2012: 115–120; Рыкин 2014: 159–165)).

Аки борове / боровѣ велицѣи / боровѣ величи. *Фолькл. О большом количестве воинов.* И поидоша полкове, *аки борове*, и не бѣ презрѣти ихъ (ПВЛ, ПЛДР www); Свѣтаючи же суботѣ, начаша выступати полки половецкии, *аки боровѣ* (Ипат. лет., ПЛДР www); Бяхуть бо полчи видениемъ, *аки боровѣ велицѣи*; Пришедшимъ же полкомъ к городу, и сташа около города, *аки боровѣ величѣи*, и начаша ся пристраиваивати на взятѣе города (Гал.-Волын., ПЛДР www).

Син.: *аки тучи силнии*.

Аки вода морскаа / вода многа / воду / воду силну. *Фолькл. О большом количестве пролитых слез, крови и под.* И мнози звѣрие грозно выють, ждуще того дни грозного, Богом изволенаго, въ нь же иматъ пасти трупа челоуеча, таково кровопролитие, *аки вода морскаа*; жалостно видѣти и грѣко посмотрити челоуечскаго кровопролитиа – *аки морскаа вода ...* (Сказ. Мам. поб., ПЛДР www); ...Батый пленилъ Рускую землю, безвинную кровь пролия, *аки воду силну...* (Сл. Мерк. Смол., ПЛДР www); ...положиша трупья рабѣ твоихъ брашно птицам небесным, плоть преподобных твоих звѣремъ земным, прольяха кровь их *аки воду* (Сл. погиб., ПЛДР www); ...самого же вокруг оступиша около *аки вода многа...* (Лет. пов. Кулик., ПЛДР www); Княгини же его беспрестани плакашеса, предстоящи у гроба, слезы от себе изливающи, *аки воду...* (Гал.-Волын. лет., ПЛДР www).

Син.: *яко из бочек, яко быстринам, яко потокъ, яко рѣка, яко рѣка силная, аки рѣчьную быстрину, яко струю*.

Яко дождь / дожду сильну / дожду идушу. *Фолькл. О большом количестве каких-либо предметов.* Единою подступиша к граду под вежами, онѣм же бьющим с града, и стрѣбяющимъ межи собою, идяху стрѣбы *аки дождь* (ПВЛ, ПЛДР www); Идушу же камению со забралъ,

яко дождю силну; Мечющимъ же пращамъ и стрѣламъ, яко дождю идущу на градъ ихъ, и уведевъше ляхове, яко крѣпчѣе брань русская належить, начаша просити милость получитьи; Ляхомъ же крѣпко борюще и суличами мечюще и головнями яко молнья идяху, и каменье яко дождь с небеси идяше (Гал.-Волын. лет., ПЛДР www).

Син.: *аки дождева туча.*

День и ночь. *Весь день, сутки:* «Ярославъ... книгамаъ прилежа, и почитая е часто *в ноци и в дне...*» (ПВЛ, ПЛДР www); «Еже было творити отроку своему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ..., *ночь и день, ... не дая собѣ упокая...*» (Поуч. Влад. Мономаха, ПЛДР www); «Бяше бо и книгамаъ хытръ псати, сий по вся *дѣни и ноци* писааше книги въ келии у блаженааго отьца нашего Феодосия...» (Жит. Феод. Печ., ПЛДР www); «Пребысть же блаженный Авраамий въ прежереченнѣмъ монастыри въ трудѣ ... и въ алкании *день и ночь...*» (Жит. Авр. Смол.: 72); «... и плакалися грѣховъ своихъ *день и ночь* съ въздыханиемъ...» (Лет. пов.: 162).

Злато и серебро. *Деньги, богатство:* «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити..., а *злата и сребра* ни мало того потрепати!» (Слово полк. Иг., ПЛДР www); «...ты, княже, не въздержи *злата, ни сребра*, но раздавай людемъ» (Моление Дан. Заточ., ПЛДР www); «Егда възмужаетъ сынъ мой, дай же ему *злато и сребро*» (Киев.-Печ. Патерик, ПЛДР www); «Фрязи же и вси воеводы ихъ възлюбиша *злато и срѣбро...*» (Пов. взят. Царьград., ПЛДР www); «И прибѣже Мамай въ Кафу съ множествомъ имѣния, *злата и сребра*» (Пов. Кул. битв., ПЛДР www).

Красень лицемъ. *Красивый на вид.* Видѣвъ же науклирь жену Еустафиеву, яко *красна бѣ лицемъ* зѣло (Сказ. Евст. Пл., ПЛДР www). Он же видѣвъ, яко *красна естъ лицемъ*, тѣло же ей бысть власато, яко щеть (Суды Соломона, ПЛДР www). Воистину, въ древнихъ царехъ нѣсть таковаго слыхати, *красна лицемъ*, и ризами (Кир. Бел., ПЛДР www).

Син.: *добръ лицемъ, красень образомъ, красень видомъ.* Ант.: *страшенъ лицемъ, страшенъ образомъ, страшенъ видомъ.*

Крѣпокъ душею. *Стойкий, непоколебимый, сильный в духовном плане.* И въ дѣни тыи нелзе прѣходити никаможе, и бѣ моляся Богу *крѣпкий той душею* (Патерик, ПЛДР www). Наутриа же в *понедѣльникъ* той же недѣли, на память святаго Кирила Александрьскаго, тѣломъ начять изнемогати иже *душею крѣпкий* (Кир. Бел., ПЛДР www). И съвершившесе службѣ, причастися блаженный Святыхъ и Животворящихъ

тайнъ, и паки в суботу начат конечнѣ изнемогати тѣлом, иже *душею крѣпкый* (Корн. Ком., ПЛДР www).

Син.: *силен душею, тверд душею.*

Крѣпокъ тѣломъ. *Сильный, выносливый.* Амурат же некий янычанин, *крѣпок сый тѣлом*, смѣшався з грѣкы, доидѣ Зустунѣя и начат сѣщи его лютѣ (Пов. взят. Царьграда, ПЛДР www). Свѣтятся цесарьскы, *крѣпкъ тѣльмъ*, вьсячьскы украшенѣ акы цвѣтъ цвѣтый вь уности своей, в ратьхъ хрѣбъръ, вь свѣтѣхъ мудръ и разумнѣ при вьсемь и благодать Божия цвѣтяше на немь (Сказ. Бор. Гл., ПЛДР www). Оному о томь не послушающю ея, и якоже многашьды ей отъ великыя ярости разгнѣватися на нь и бити ѡ, бѣ бо и *тѣльмъ крѣпъка* и сильна, якоже и мужь (Жит. Феод. Печ., ПЛДР www).

Син.: *силен тѣлом.*

Одержимъ невѣриемъ. *Неверующий.* И сказаша митрополиту Геронтию и великому князю, они же *невѣриемъ одрѣжими бѣша*, не повелѣша звонить и всему городу славить его (Незав. лет. св., ПЛДР www). Но понеже прошениемъ многымъ и преславнымъ надеждамъ бяху обѣтоваемая напрасно слышана, смущати нѣкако обыкоша душа, *не невѣриемъ одержимъ быти*, мною, но о событии тѣсяся, абие, якоже сладостию объять бивѣ, возъпи и рече... (Феодор, ПЛДР www). Тогда бо сии рустии людие *невѣрием одержими*, и слово Божие яко уродство вменяшеся имѣ (Житие Владимира, ПЛДР www).

Яко дождь / дождю сильну / дождю идущу. *Фолькл. О большом количестве каких-либо предметов.* Единою подступиша к граду под вежами, онѣм же бьющим с града, и стрѣляющим межи собою, идяху *стрѣлы акы дождь* (ПВЛ, ПЛДР www); Идущу же камению со забраль, *яко дождю силну*; Мечющимъ же пращамъ и стрѣламъ, яко дождю идущу на градъ ихъ, и уведевъше ляхове, яко крѣпчѣе брань русская належить, начаша просити милость получитьи; Ляхом же крѣпко борюще и суличами мечюще и головнями яко молнья идяху, и камень *яко дождь с небеси идяше*; (Гал.-Волын. лет., ПЛДР www).

Син.: *аки дождева туча.*

Яко звѣрь / свѣрпный звѣрь / звѣрье свѣрпнии / звѣрье дивии / лютии звѣрие. *Фолькл. О жестоких воинах, врагах.* И се нападаша акы *звѣрье дивии* около шатра, и насунуша и копыи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на нем, прободоша с нимъ (ПВЛ, ПЛДР www); И не понѣ единого словесе постыдѣшася, нѣ *яко же убо свѣрпнии звѣрие*, тако вьсхытиша его (Сказ. Бор. Гл., ПЛДР www); Батый же, *яко свѣрпный звѣрь* возьярися, повелѣ заклати, и закланѣ бысть незаконнымъ Дома-

номъ Путивльцемъ нечестивымъ; Скомондъ бо бѣ волхвъ и кобникъ нарочить, борзь же бѣ, *яко и звѣрь*, пѣшь бо ходя повоева землю Пиньскую, инии страны (Гал.-Волын. лет., ПЛДР www); Мамай же, видѣвъ новыя люди, *яко лютии звѣрие* ристаху и изрываху, аки овчье стадо (Сказ. Мам. поб., ПЛДР www).

Син.: *яко волкъ, яко левъ, яко пардусъ, яко рысь.*

При смене концептуальных форм русской ментальности, в процессе которой ментализация уступает место идеации, происходит конкретизация синкретичного значения параллельно с расширением его лексического выражения, что проявляется в «растяжении» древнерусских синкретем.

Так, парные именованья «рас-траиваются» (по образному выражению В. В. Колесова (Колесов 2002: 233), превращаясь в градуальные **триады** (*радость и веселье и ликъствование, по образу и подобию и существу, плачь и рыдание и вопль, солнце и луна и звѣзды, дивно и чудно и несказанно* и под. (Артамонова 2005: 40–44), что приводит к трансформации синкретичного значения.

В целом «растяжение» синкретем приводит к тому, что в эпоху идеации эпидигматические и парадигматические отношения выражаются не только в линейном ряду, в синтагме, но и на уровне текста в целом.

В современную эпоху, связанную с идентификацией, парадигматические и эпидигматические отношения выражаются уже «вертикально», «отрываются» от текста, существуют как система подсистем, поскольку в наше время, как отмечает В. В. Колесов, синкретична система в целом (Колесов 2002: 406), однако нельзя сказать, что семантический синкретизм полностью исчезает, остается в прошлом, поскольку и в современном русском языке функционируют выражающие синкретичное значение и восходящие к древним структурно-семантическим типам синкретемы. Например: современные парные именованья – *купля-продажа, ширли-мырли, штучки-дрючки, пьянка-гулянка, трын-трава, шито-крыто, пошло-поехало, житье-бытье, смрад-дым, песни-пляски, молодо-зелено, фигли-мигли, любовь-морковь*; устойчивые сравнения – *как в воду канул, как в воду опущенный, как ветром сдуло, как вкопанный, как гора с плеч свалилась, как горькая редька, как грома среди ясного неба, как дважды два (четыре), как две капли воды, как душе угодно, как за каменной стеной, как иголка в стогу сена, как из пушки, как из рога изобилия*; словосочетанья с устойчивыми атрибутами – *зачетная книжка, трудовая книжка, санитарная книжка, красная книга, административный ресурс, зеленые береты, голубые каски, цветные революции*; этимологические фигуры – *капают капли, гремит гром, снится сон, варится варенье*; описательные глагольно-имен-

ные обороты – *держать в напряжении (в повиновении, в подчинении, в страхе, направление, оборону, ответ, под контролем, под надзором, под обстрелом, равнение, связь, ответ, экзамен), издавать / издать вздох (воплъ, выкрик, гул, звук, крик, ропот, свист, стон, треск, шипение), изъявлять / изъявить готовность (желание, намерение, согласие, сожаление, удовольствие)* и под.

Кроме того, современные фразеологические единицы, возникшие на основе метафорического переноса и структурно представляющие собой самые разнообразные словосочетания, также обладают синкретичным значением, отражающим древнейшие концептуальные формы русской ментальности. Н. Ф. Алефиренко отмечает, что в современном «культурно-познавательном пространстве русской идиоматики» **синкретичной** смысловой единицей является **концепт**: «одновременно и суждение, и понятие, и представление» (Алефиренко 2008: 444–445).

С нашей точки зрения, синкретичное значение современной фраземы представляет собой два типа синкретсемии. Первый тип – это «**формальная**», или **структурно-синтагматическая, синкретсемия**, при которой одно синкретичное значение (один сигнификат и один денотат) выражены двумя и более означающими. Данный тип синкретсемии представлен ядерными фразеологическими единицами – **сращениями** (*лететь вверх тормашками* – ‘рушиться, гибнуть’, *ни рыба ни мясо* – ‘ничем не выделяющийся, посредственный’, *дать стрекача* – ‘убежать’ – здесь и далее см. ФСРЯ, 1987). Второй тип – «**формально-содержательная**» **синкретсемия**, при которой выражающие одно синкретичное значение два и более означающих связаны с двумя/несколькими сигнификатами и денотатами. Во-первых, это денотативно-сигнификативная синкретсемия **фразеологических единств**, сохраняющих связь со свободными (буквальными) значениями (номинальный денотат уподобляется реальному), например: *лежать на печи, считать ворон* – ‘бездельничать’, *молоко на губах не обсохло* – ‘о ком-либо совсем еще молодым и неопытным’. Во-вторых, это сигнификативная синкретсемия **фразеологических сочетаний** (*обетованная земля* – ‘место, куда кто-либо страстно мечтает, стремится попасть; место, где царит довольство, изобилие, счастье’, *закадычный друг* – ‘близкий, душевный человек’, *расквасить лоб (нос)* – ‘ушибить, разбить до крови (какую-нибудь часть тела, преим. лица)’).

Для дальнейшего системного лексикографического описания всего корпуса устойчивых сочетаний в диахронии необходимо разработать методику вычленения данных единиц, выявить критерии их отграничения от свободных словосочетаний и смежных видов семантических

сближений, уточнить особенности представления в историческом словаре их семантики, структуры, варьирования и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко, Н. Ф. 2008. *Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики*. Москва: ООО «Изд-во ЭЛПИС».
- Артамонова, М. В. 2005. *Парные именованя в древнерусском тексте*: дис. канд. филол. наук. Владимир: Владимирский гос. пед. университет.
- Архангельский, В. Л. 1964. *Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии*. Ростов н/Дону: Ростовский-на-Дону гос. пед. ин-т.
- Афанасьев, А. Н. 1994. *Поэтические воззрения славян на природу*. Т. I. Москва: Изд-во «Индрик».
- Богрова, К. М. 2012. *Устойчивые сравнения в древнерусском тексте: семантика и структура*: дис. канд. филол. наук. Владимир: Владимирский гос. университет.
- Бычков, В. В. 1981. *Эстетика поздней античности II-III века*. Москва: Наука.
- Иванов Вяч. В., В. Н. Топоров 1965. *Славянские языковые моделирующие системы: Древний период*. Москва: Наука.
- Карцевский, С. О. 1965. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. У: *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. II. В.А. Звегинцев (ур). Москва: Просвещение, 85–90.
- Кацнельсон, С. Д. 1986. *Общее и психологическое языкознание*. Ленинград: Наука.
- Ковтун, Л. С. 1971. О неявных семантических изменениях. *Вопросы языкознания* № 5. Москва, 81–90.
- Колесов, В. В. 1991. Семантический синкретизм как категория языка. *Вестник ЛГУ* сер. 2. вып. 2. № 9. Ленинград, 40–49.
- Колесов, В. В. 2002. *Философия русского слова*. Санкт-Петербург: ЮНА.
- Колесов, В. В. 2005. *История русского языка*. Санкт-Петербург: Филологический ф-т СПбГУ; Москва: Издательский центр «Академия».
- Ларин, Б. А. 1977. *История русского языка и общее языкознание*. Москва: Просвещение.
- Лопутько, О. П. 2001. *Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X-XV вв.)*. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. унт.
- Маковский, М. М. 1996. *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках*. Москва: Гуманитарный издательский центр «Владос».
- Мокиенко, В. М. 1973. Историческая фразеология: этнография или лингвистика?. *Вопросы языкознания* № 2. Москва, 21–34.
- Пименова, М. В. 2007. *Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте*. Санкт-Петербург: Филологический ф-т СПбГУ; Владимир: Изд-во ВГПУ.

- Пименова, М. В. 2011. Лексико-семантички синкретизм као проява формално-садржатељне језичке асиметрије. *Вопросы языкознания* № 3. Москва, 19–48.
- ПЛДР: *Памятники литературы Древней Руси, I–XII* (1978–1994) (електронски извор). Библиотека литературе Древней Руси. <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=4863>
- Потебня, А. А. 1968. *Из записок по русской грамматике*. Т. III. Москва: Просвещение.
- Приселков, М. Д. 1940. *История русского летописания XI–XV вв.* Ленинград: Наука.
- Пропп, В. Я. 1954. Язык былин как средство художественной изобразительности. *Ученые записки ЛГУ*, сер. филол. наук, вып. 20 (№ 173). Ленинград, 375–403.
- Радутная, О. А. 1988. *Пространственно-временной синкретизм и его выражение в русском языке*: автореф. дис. канд. филол. наук. Ленинград: Ленинградский гос. университет.
- Рыкин, Е. Ю. 2014. *Сочетания с творительным ограничением как средство выражения оценки в древнерусском тексте*: дис. канд. филол. наук. Владимир: Владимирский гос. университет.
- Трубачев, О. Н. 1976. *Этимологические исследования и лексическая семантика. У: Принципы и методы семантических исследований*. Ярцева, В.Н. (ур.). Москва: Наука, 147–179.
- ФСРЯ: *Фразеологический словарь русского языка*. 1978. Молотков, А. И. (ур.). Москва: Русский язык.

Марина Пименова

УСТОЙЧИВЫЕ ЕДИНИЦЫ В ДИАХРОНИИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ МЕНТАЛЬНОСТИ

Резюме

Итак, начальные стадии человеческой культуры отличает наличие *семантического синкретизма*, проявляющегося в нерасчлененности чувственного созерцания и логической деятельности мышления, который характерен прежде всего для древнейшей концептуальной формы ментальности – *ментализации*. В этот период в языке существуют особые устойчивые единицы (*синкретемы*), отличающиеся метонимической системностью. В дальнейшем происходит их «растяжение» и постепенная замена фразеологизмами с метафорической образностью, хотя единицы, созданные по типу древнейших, сохраняются и в современном русском языке.